

«ТОЛЬКО ЛЮБОВЬ НЕ НАПРАСНА,
ТОЛЬКО РАБОТА ПРАВА...»

...По тому, как читают поэты свои стихи, можно понять многое. Один — застенчивой скороговоркой, другой — упиваясь собой, третий — манерно завывая, четвертый — рубя строки, как дрова.

Татьяна Кузовлева читает свои стихи, я бы сказала, благородно, читает, не «играя на аудитории», а строго и женственно, со сдержанным волнением, которое нет-нет да и прорвется то зазвеневшим голосом, то внезапно проступившей бледностью смуглых щек. И сама-то она при этом как нацеленная в небо стрела: вся устремлена ввысь, до предела вытянута высокая шея.

Такая она и есть — Татьяна Кузовлева: порывистая и сдержанная, скромная и гордая, с голосом, «шуму вод подобным». И пусть это не грохот океана. Сила стихов определяется только вольтажом поэтического напряжения. Лишь от него зависит, чтобы шепот был громче крика.

Таким «шепотом» кажутся мне стихи Кузовлевой о любви. Они очень женские, извечно — я бы сказала — женские.

Прекрасно быть женщиной слабой,
Чтоб с твердой ладони мужской
Взлетать отрешенно и храбро
Над будничною суетой.

Прекрасно быть женщиной слабой:
Обиды почувствовав власть,
Наплакаться вволю хотя бы
И к той же ладони припасть...

И несмотря на свою «извечность», стихи эти могла написать только наша современница. К тому же только наша соотечественница:

И шаг оттого мой не скован,
Что, веря в удачу твою,
И взглядом, и жестом, и словом
Тебя заслоняю в бою.

.

И, счет открывая неделям,
Во имя продленья пути
Не поровну груз мы разделим —
Я гибче. Мне легче идти.
Я знаю, раннее вдвое
Суровая с виду душа.
Живу не беспечной любовью —
Трудом и тобою дыша.

Вот именно — дышать не только любимым человеком, но и трудом. Тоже любимым, конечно. В этом — примета времени, примета страны. И может быть, как раз горячее дыхание работы, осознание своей не только женской, но и общечеловеческой значимости не дает проникнуть альбомности даже в самые интимные стихи Татьяны Кузовлевой. Они начисто лишены мелкой сентиментальности, продиктованы чувством, а не чувствительностью:

Мы — семья.
Это значит, мы вместе.
Кто напросится к нам во враги?!
Дети вырастут.
Сложатся песни.
Только ты себя побереги.

Любовь у Кузовлевой — всегда взаимная, счастливая, и потому вдвойне ответственная. В этом — отличие ее стихов от специфических «женских», большей частью варьирующих знаменитое цветаевское: «Мой милый, что тебе я сделала?» Впрочем, это отнюдь не означает, что взаимность всегда безоблачна — настоящее чувство таковым не бывает...

Сознание гражданского достоинства нисколько не мешает Кузовлевой оставаться «женщиной слабой» и радоваться, что может позволить себе быть такой с любимым. В этом — очарование ее лирической героини. Невольно вспоминается: в ответ на вопрос, что Вы больше всего цените в женщине, К. Маркс сказал: «Слабость...» Конечно же, он имел в виду и ту слабость, благодаря которой женщина, если надо, «коня на скаку остановит». Слабость и сила — две стороны истинной любви.

В стихах Кузовлевой о любви нет «дамской» камерности, а в ее стихах о Родине нет выпренности, общих мест, риторики:

Я иду и принимаю зримо
Новизну родившегося дня:
Первородны и неповторимы
Судьбы, обступившие меня.

Среди них — от праздности хранима,—
Родина, я вновь иду к тебе,
И судьба моя неповторимо
По твоей равняется судьбе.

Стихи эти — о Родине — привлекают своим целомудрием, трепетностью:

Воздух в губы вольется, дрожа.
Где-то вспыхнет звезда одиноко.
Я скажу:
— Ах, как небо высоко!
— Это Родина,— дрогнет душа.

Любовь к России круто замешана у поэтессы на слезах и горе-горьком — родилась Татьяна Кузовлева «Между двух войн, Как между двух огней, Меж финской и вторую мировую». Одно из первых ее воспоминаний — воспоминание о том, как в сорок четвертом году через Москву вели бесконечную колонну немецких военнопленных. Психологически тонко написана эта сцена и заканчивается она так:

А дома, в предвечерней тишине,
Три разных чувства ожили во мне.
Сперва жестокость детская, пока
За камнем слепо тянется рука.
Потом к ней ликование примешалось.
И вслед за ним открылась сердцу жалость:
В чужой стране, где шли еще бои,—
Там тоже были сверстники мои...

Ребенок ли подумал о детях этих страшных и все-таки жалких вражеских солдат? Взрослая ли женщина, поэтесса, взявшаяся за перо и заново переосмыслившая прошлое? Какое это имеет значение? Важно, что благородная ее жалость стала фактом поэзии.

Дети войны! Худенькие воробышки, не знающие даже, что существует мир, где нет голода и холода, где папы не погибают на войне, а мамы не плачут над похоронками...

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете почитать в
Оренбургской областной универсальной
научной библиотеке им. Н.К. Крупской
по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20
тел.: для справок: (3532) 77-92-66